

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Приглашение к размышлению

DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-12-121-134

Рецензия

Book review

Осмысление дискурса: вызовы времени, поиск, конструирование

Рецензия на книгу:

Философский проективный словарь.

Новые термины и понятия.

Вып. 2 / под ред. Г.Л. Тульчинского, М.Н. Эпштейна. –
СПб.: Алетейя, 2020. – 544 с.

В.М. Розин

Институт философии РАН, Москва, Россия

Аннотация

В рецензии обсуждается второй выпуск «Философского проективного словаря», изданный в 2020 году под редакцией Г.Л. Тульчинского и М.Н. Эпштейна. Столкнувшись с трудностями в понимании ряда статей словаря, рецензент обращается к критическому анализу текстов авторов проекта с целью найти ответы на интересующие его вопросы. По утверждению Эпштейна, статьи словаря рассчитаны не на обобщение уже сложившегося употребления терминов и понятий, а на своеобразное проектирование и предвосхищение смыслов понятий и текстов, которые, возможно, будут созданы в перспективе. Тульчинский, согласно авторской позиции, пишет более осторожно, утверждая перформативную природу содержащихся в издании понятий и соображений. Автор настоящей рецензии подробно анализирует эти разъяснения, проблематизируя и проверяя на прочность основательность аргументации. В частности, он сомневается, что Эпштейн прав относительно утверждения о проектировании понятий и текстов. С его точки зрения, Эпштейн употребляет понятие «проектирование» расширительно, что не позволяет принять приведенное им утверждение. В свою очередь, на основе кейса из практики автором предложена собственная версия введения терминов и построения новых понятий. Соглашаясь с мнением Тульчинского о том, что словарь в целом и ста-

ты, представленные в нем, являются авторскими, он ставит вопрос о существовании в этом случае самостоятельного жанра философского словаря. Размышляя, отмечает, что в статьях, посвященных ранее известным понятиям, дана их актуальная современная трактовка. В таком контексте обсуждения автором детально рассмотрено понятие «человек», приведенное в статье Ю.В. Шичаниной. В заключительной части оценена важность выполненной авторским коллективом работы. Рецензент обращает внимание на ее актуальность, значимость, содержательность и приводит пример использования нескольких понятий в своей практике из анализируемого словаря.

Ключевые слова: интерпретация, тексты, жанр, автор, проектирование, реальность, действие.

Розин Вадим Маркович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора междисциплинарных проблем научно-технического развития Института философии РАН.

rozinvm@gmail.com

<http://orcid.org/0000-0002-4025-2734>

Для цитирования: Розин В.М. Осмысление дискурса: вызовы времени, поиск, конструирование (рецензия на книгу: Философский проективный словарь. Новые термины и понятия. Вып. 2 / под ред. Г.Л. Тульчинского, М.Н. Эпштейна. – СПб.: Алетеия, 2020) // Философские науки. 2020. Т. 63. № 12. С. 121–134.

DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-12-121-134

Comprehending Discourse: Challenges of Time, Search, Construction

Book review:

Philosophical Projective Dictionary.

New Terms and Concepts (Issue 2)

Edited by G.L. Tulchinskii & M.N. Epstein.

Saint Petersburg: Aletheia, 2020. – 544 pp.

V.M. Rozin

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract

The review discusses the recently published second issue of the *Philosophical Projective Dictionary* (edited by Mikhail Epstein and Grigorii Tulchinskii). Having encountered difficulties in understanding the articles of the dictionary, I turn to the explanations of the motives of the dictionary's authors and editors. Epstein notes that the entries in the dictionary are not

intended to generalize the already existing use of terms and concepts, but to kind of projecting and anticipating the meanings of concepts and texts that may be created in the future. Tulchinskii writes more modest, asserting the performative nature of the concepts and ideas presented in the dictionary. I discuss these explanations of the compilers of the dictionary, problematizing and testing the strength of their arguments. In particular, I doubt that Epstein is right when speaking of the projection of terms and texts. From my point of view, Epstein uses the concept of projection in a very broad sense, which does not allow to accept his statement. In turn, citing a case from personal practice, I expresses my own version of introducing terms and constructing new concepts. Agreeing with Tulchinskii's opinion that the articles in the dictionary and the dictionary itself are a unique vision of their authors, I raise the question of the existence of projective dictionary as a specific genre. I note that the dictionary's entries that are devoted to already known concepts, offer an up-to-date modern interpretation of these concepts. To demonstrate that, I consider the concept of man in an article by Yulia Shichanina. At the end of the review, the importance of the work done by the authors of the dictionary is emphasized and an example of the use of two terms from the dictionary in my practice is given.

Keywords: interpretation, texts, genre, author, design, reality, action.

Vadim M. Rozin – D.Sc. in Philosophy, Professor, Main Research Fellow at the Department of Interdisciplinary Problems in the Advance of Science and Technology, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

rozinvm@gmail.com

<http://orcid.org/0000-0002-4025-2734>

For citation: Rozin V.M. (2020) Comprehending Discourse: Challenges of Time, Search, Construction (Book review: G.L. Tulchinskii & M.N. Epstein (Eds.) *Philosophical Projective Dictionary. New Terms and Concepts* (Issue 2). Saint Petersburg: Aletheia, 2020). *Russian Journal of Philosophical Sciences* = *Filosofskie nauki*. Vol. 63, no. 12, pp. 121–134.

DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-12-121-134

Я не читал первый выпуск «Философского проективного словаря», вышедший в 2003 году. Поэтому чтение второго выпуска этого словаря, который увидел свет в 2020 году [Философский... 2020], стало для меня событием, причем не совсем обычным.

Сначала находился в недоумении, спрашивая себя о том, бывают ли такие словари. Постепенно привыкал к предлагаемому необычному дискурсу и жанру, заинтересовался, пытаюсь его понять. Наконец, решил, что требуется осмысление и аналитика, иначе останутся лишь эмоции. Да, следует признать, что проек-

тивный словарь подобно хорошим современным философским произведениям невозможно с легкостью прочитать или сразу начать им пользоваться. Прежде всего этот текст нужно осмыслить, чтобы в дальнейшем вместо непонятного набора странных статей перед нами возник новый тип словаря, который стал бы инициировать нашу мысль и воображение.

Приступить к такой непростой работе, вероятно, стоит с введения («О проективном словаре и проективном мышлении»). В нем один из авторов-составителей, редакторов словаря, известный философ, культуролог и литературовед Михаил Наумович Эпштейн, очевидно, понимая необычность нового интеллектуального предприятия, пытается объяснить жанр и особенности проективного словаря. В частности, он пишет: «Существуют разные типы гуманитарных словарей и энциклопедий, но все они – дескриптивные, т. е. описывают термины, которые раньше уже употреблялись (в мировой или национальной философии, определенной школой или автором). Таков обычный путь терминов: от использования в текстах – к фиксации и систематизации в словаре. *Проективный словарь*, напротив, не регистрирует, а предвосхищает, проектирует будущие дискурсы и тенденции в развитии дисциплины, очерчивает круг ее концептуальных и терминологических возможностей... Статья в проективном словаре отсылает не к какому-то конкретному тексту, поскольку данное слово раньше не использовалось или использовалось в ограниченном кругу текстов (принадлежащих самому автору и его единомышленникам). Здесь действует связь: “словарь – возможный текст” – т.е. текст, который может быть создан на основе словаря, с учетом того нового понятия, которое вводится в язык» [Эпштейн 2020, 20–21].

Задача философии, по утверждению Эпштейна, заключается в том, чтобы «расширять существующий язык, лексические поля, синтезировать новые концепты, вводить новые языковые правила, увеличивать объем говоримого – а значит, и мыслимого и потенциально существующего» [Эпштейн 2020, 22]. И проективный словарь развивает именно эту тенденцию. Проективность в данном случае нужно понимать как метод мышления, сочетающий, по мнению Эпштейна, трудно совместимые интеллектуальные традиции: «ницшевскую философию жизни и витгенштейновскую философию языка – витализм и лингвизм» [Эпштейн 2020, 23].

Ввиду этого у меня возник вопрос о том, можно ли предвосхищать и проектировать новые концепты, понятия и содержания,

написав статью в словаре, пусть он даже будет назван проективным. Появился и более общий вопрос. Можно ли вообще проектировать новую мысль, новые способы мышления? Обычно решение такой задачи вменяется методологии. Например, анализируя особенности методологической работы, Г.П. Щедровицкий заключает, что «продукты и результаты методологической работы в своей основной массе – это не знания, проверяемые на истинность, а проекты, проектные схемы и предписания. И это неизбежный вывод, как только мы отказываемся от слишком узкой, чисто познавательной установки, принимаем тезис К. Маркса о революционно-критическом, преобразующем характере человеческой деятельности» [Щедровицкий 1995, 96]. Но, просмотрев статьи словаря, я не смог большинство из них отнести к методологии, хотя, возможно, речь идет об иной методологии, гуманитарной или постмодернистской.

В итоге для меня так и остался неясным вопрос о том, что авторы имеют в виду под проектированием новых концептов и понятий. Полагаю, они сводят такое проектирование к синтезу содержаний и смыслов, принадлежащих разным (часто противоположным) предметам и явлениям. Например, понятие «инфиниция» Эпштейн характеризует следующим образом: «Это сращение двух слов, *definition* (определение) и *infinity* (бесконечность), происходящих от одного латинского корня *finis*, конец, предел... Инфиниция демонстрирует множественность возможных определений предмета и одновременно недостаточность каждого из них и невозможность полного определения как такового... Разумеется, синтез – это не только комбинаторика, это и креаторика, создание неизвестного на основе перекомбинации, переинтеграции известного. Это новый уровень системной целостности всех прежних и заново вводимых знаков и их смысловых отношений» [Эпштейн 2020, 26–28].

Объяснение Эпштейна выглядит формальным: синтез, перекомбинация и др. А ведь изобретение, введение нового термина и понятия – вещь очень содержательная и мучительная. Помню, долго искал слово для одного из «героев» своего философского романа «Вторжение и гибель космогуалов» (печатная версия романа была издана в двух книгах [Розин 2008; Розин 2018б]). И придумал такого героя: им стало живое существо-программа, сгусток энергии, прилетевший из космоса и внедрившийся в людей, которые находились на самой ранней стадии развития. Это

существо начинает программировать сознание людей, питаться их энергией. И чем более люди креативны, инициативны, тем больше пищи достается таким существам. Поэтому они направляют развитие человечества во вполне определенном направлении, способствуя интеллектуальному прогрессу. Все придумал: место для героя, контекст, но не было подходящего слова. Искал около месяца. Начало слова напрашивалось само собой – космос, потому что существа прилетели из космоса. Но какой конец? Не помню, как вышел на него. Но долго примерялся, будет ли это слово – «космогуал» – склоняться, сочетаться в предложении с другими словами, может ли оно стать родным для русского литературного языка.

Не предполагает ли изобретение нового термина и понятия попадание изобретателя в особую, проблемную ситуацию, поиски решения этой проблемы при условии, что уже существуют контекст и место, собственно изобретения схемы и нарратива, опробование нового слова (выражения) в логике и стихии языка?

В большей степени мне близка, пожалуй, позиция автора-составителя Григория Львовича Тульчинского. Завершая словарь, в разделе под названием «Однословие как философская наррация и поступок (Вместо послесловия)», он пишет: «Весь словарь в целом – это своего рода нарратив, переходящий в перформатив... проективный словарь, сообщая о предлагаемых терминах и их содержании, самим фактом сообщения стремится ввести их в интеллектуальные практики... В данном случае словарь акцентированно и демонстративно – авторский, причем в двойном смысле: каждая статья в нем написана только одним автором, и большинство концептов и терминов в этом словаре принадлежат авторам статей. Словарь не только проективный, но и буквально – персонологический, поскольку автор статьи выступает как мыслящая персона, делящаяся собственными терминами и понятиями, а не описывает и систематизирует введенные другими авторами... Придумывание экзотических словечек не является самоцелью для автора проективного словаря. Главное даже не в самих терминах – они являются поводом для рассуждений, порождения нового дискурса... Можно воспользоваться метафорой В.В. Розанова и говорить об “эмбрионах” новых мыслей и концептов» [Тульчинский 2020б, 488–489].

Становится понятным, что статьи в словаре «акцентированно и демонстративно» являются авторскими, и, если следовать

Тульчинскому, речь идет, скорее, не о проектировании, а о перформативном действии. Перформативное же действие на самом деле, во-первых, всегда авторское, во-вторых, не претендует на то, на что претендует проектирование – возможность удовлетворить основные требования к проектируемому объекту, реализовать проект, причем таким образом, чтобы спроектированный объект не расходился с проектом [Розин 2018а]. Но если статьи авторские, то и Эпштейн прав, поскольку он рефлексировал не сложившийся нормативный опыт, а собственную практику.

Однако ряд вопросов остаются открытыми. Можно согласиться с тем, как Тульчинский объясняет, что представляет собой «Философский проективный словарь». Вместе с тем не разделяю его представления о проектировании и понятии «автопроективность личности». С одной стороны, Тульчинский утверждает, что автопроективность личности – это «характеристика позиционирования и самопозиционирования личности, свойственная современности» [Тульчинский 2020а, 32]. Однако это не свидетельствует о проектировании себя. С другой стороны, он пишет: «Современная личность – не просто продукт мегаполисов. Она – проект в условиях глобализации и информатизации. И не просто проект, а проект, предполагающий успешность реализации как бренда... Речь идет о довольно конкретной технологии разработки и реализации такого проекта, включающей выбор жизненной стратегии, формирование, позиционирование и продвижение определенного имиджа и репутации» [Тульчинский 2020а, 33]. Это утверждение воспринимается неоднозначно. Почему «выбор жизненной стратегии, формирование, позиционирование и продвижение определенного имиджа и репутации» – это проектирование? Как правило, обычный человек мыслит эти действия не в логике проектирования, а в логике самосовершенствования или построения жизненного пути. Не являются исключением и проектировщики. Стараясь правильно жить (есть и такие), они не переносят свои проектные компетенции на себя, поскольку хорошо знают, какие требования предъявляет их профессия, и они никогда не смогли бы удовлетворить их в отношении себя.

Проблема состоит не в том, согласен я или не согласен с Тульчинским, а в том, что предмет моего рассмотрения является философский словарь, и полемизировать с каждым автором, с позицией которого не согласен, нет смысла в рамках настоящей статьи. Или, если быть осторожнее, нет необходимости вступать в

полемику с тем, чья позиция оставляет равнодушным. Возможно, тот или иной автор и прав, но мне этого без специального анализа не понять. Возможно, любопытно, но не более того. Конечно, Тульчинский и Эпштейн (которых давно знаю, и они, вероятно, знают меня) могут возразить, что В. Розин не средний читатель, а специалист, давно «испорченный методологией» (так шутил мой учитель Г.П. Щедровицкий). Но, во-первых, я – все-таки читатель, учитывая, что прочел словарь не один раз, во-вторых, и остальные читатели «испорчены» чем-то – психологией, другой философией, культурологией.

Может быть, речь идет не просто об авторском подходе и плюрализме мнений, а о постмодернистской реальности, и перед нами постмодернистский философский словарь? Но нет уверенности в том, что авторы осознают себя постмодернистами. Хотя такая мысль допустима, особенно, если обратить внимание на текст Эпштейна. Однако очевиден тот факт, что Тульчинский, Эпштейн, ряд других авторов объективно создали словарь, проявляющий, вызывающий к жизни неопределенную реальность, по отношению к которой не существует единого метанарратива. И некоторые разъяснения Тульчинского заставляют думать в этом направлении. Философия, по его словам, «предстает не столько единой, монолитной, строго упорядоченной системой, сколько “системой систем”, которые находятся в отношениях и связях друг с другом, напоминающих “семейства языковых игр” Л. Витгенштейна... Особый интерес представляют возможности смыслообразования, открываемые средствами коммуникации современного “информационного массового общества”, реализующими практику перманентного, всеобщей доступности, включенности в коммуникацию и одновременно дивергенцию точек зрения, подходов, мнений» [Тульчинский 2020, 481–482]. Не являясь противником постмодернистской реальности, хотел бы понять, куда ведут и помещают читателя авторы словаря.

Особый исследовательский интерес в словаре представляют статьи, посвященные не «экзотическим» понятиям, как охарактеризовал их Тульчинский, а самым обычным, таким как «боль», «виртуалистика», «вменяемость», «воля», «креативность», «невыразимое», «пере-живание», «проективность», «реальность реальности», «смысл», «событие», «текст культуры», «философия семиотики», «философское чувство», «человек». Все эти и другие понятия применяются мною в текстах, и мне их не надо

разъяснять. Уверен, что и многие другие философы к ним обращаются. На мой взгляд, большинство из перечисленных понятий, представленных в статьях словаря, уходят от позиции и логики, обозначенной Эпштейном. Это – обычные словарные тексты, не претендующие на предвосхищение и проектность.

Возникает естественный вопрос о том, почему это происходит, что за этим скрывается? Вероятно, речь идет не только о субъективности и авторском подходе. Может быть, предлагается принципиально новое толкование этих понятий? Анализ статей показывает, что не столько новое, сколько современное, актуальное для нашего времени.

Например, Юлия Владимировна Шичанина в статье «ЧЕЛОВЕК Одномерный, Многомерный, Иномерный (*one-dimensional, multidimensional, otherdimensional human being*)» пишет:

Человек иномерный – не только динамическая версия многомерно-го человека, но и человек, способный на экзистенциально-личностное переживание трагических противоречий и онтологические метаморфозы. Максимально проявленная в качестве сознательно личностной стратегии «иномерность» предполагает, что мера задается человеком «изнутри» посредством актуализации Иного, наделения его экзистенциальным смыслом и ценностью. Иномерный человек тем самым оказывается человеком переходным (на пути к новой целостности) и одновременно человеком если не совершенным, то сознательно совершенствующимся на данном пути. Человек современной культуры (как правило, далекий от ортодоксальной религиозности, но доверчивый к трансцендентному) лицом к лицу сталкивается с иномерностью собственного бытия. Сознание современников больше, чем когда-либо, укоренено в посюсторонности прагматичной повседневности и вместе с тем активно призывается (психологией, философией, СМИ) к трансформации, нуждается в осознанной актуализации иномерного. Специфика современной культуры как раз в том, что она актуализировала означенный феномен в его наибольшей доступности, сделала «иномерность» частью не только сакрального мира, но преимущественно повседневного опыта, моды на трансформацию. Она легитимировала на безрелигиозной основе практики расширения сознания и наращивания возможностей тела; благодаря мощной технической составляющей сделала движение к сверхчеловеческому неотвратимым и массовым, но вместе с тем почти не рефлекслируемым [Шичанина 2020, 431–432].

Итак, Ю.В. Шичанина четко прописывает сложившееся в определенной философской традиции понимание человека

как «человека пути» (М. Мамардашвили), «человека перехода» (С. Смирнов). Такой человек, с одной стороны, уже существует, пусть в очень тонком слое, с другой – выставляется как идеал для современного человека, оказавшегося зажатым и страдающим в переходе между модерном и посткультурой.

Вопросы и комментарии, приведенные в настоящей статье, не стоит воспринимать как критику «Философского проективного словаря». Это – способ правильно установиться, чтобы войти в него. Вот, к примеру, понятие «реальность реальности». На первый взгляд, кажется, что речь идет об удвоении или рефлексивной фигуре. Но невольно задумаешься над тем, каким образом взрослый человек действует в мире и воспринимает его. Не распадается ли для него мир, если говорить о поведении, на отдельные реальности – повседневной жизни, сновидений, искусства, игры, общения, науки и др.? Именно это мое утверждение содержится в «учении о психических реальностях». Главные идеи этой теории заключаются в следующем. Человек воспринимает мир и себя не в едином психическом пространстве, а в *форме множества реальностей, которые организованы в своеобразную пирамиду*, где основание образуют «непосредственные реальности» (воспринимаемые индивидом как то, «что есть на самом деле»), а на них опираются «реальности производные» (зависимые от непосредственной).

События разных реальностей (искусства, сновидения, повседневной жизни, науки и др.) проживаются индивидом, что выступает условием его поведения и деятельности. События реальности подчиняются определенной логике и условности, различающихся для разных реальностей. Например, в искусстве мы допускаем одну условность событий, в сновидениях – другую, в повседневной жизни – третью, в науке – четвертую. Реальности являются внутренними условиями жизнедеятельности и поведения человека. Они формируются в ходе разрешения его проблем, предполагают переключение установок сознания и способов при переходе от одних реальностей к другим.

Важную роль в формировании реальностей играют «семиотические схемы» (графические или нарративные), а также самоорганизация психики, обеспечивающая переключение реальностей

и смену условности событий. Именно схемы обеспечивают разрешение проблем, осознаваемых человеком, они задают новое видение и позволяют по-новому действовать.

Например, известная схема московского метрополитена позволила проектировщикам организовать потоки посетителей, а пассажирам ориентироваться в метрополитене: выбирать маршруты, переходить с одного на другой, выходить из вагона на той станции, которая необходима. В результате для москвича сформировалась *реальность метро*, в которой индивид проживает определенные события, выступающие условием его эффективного поведения. Эта реальность отличается человеком от других реальностей. При входе в метро или выходе из него установки индивида изменяются, соответственно, изменяются проживаемые им события и поведение [Розин 2001, 69–113; Розин 2011].

Еще одна характеристика реальностей представлена в утверждении о том, что *пирамида реальностей отдельного человека определяет организацию его чувственности* (ощущений и восприятий). Например, у страдающего шизофренией деформированная относительно норм социальности пирамида реальностей задает и отличную от обычного человека чувственность: он видит и ощущает в логике событий своей деформированной реальности. В частности, московский психотерапевт Г. Назлоян описывает состояние этих людей следующим образом: «Иногда больных удивляет форма своего уха, носа, рисунок глаз, губ, подбородка. Это и есть первый выход из аутистического плена, первый взгляд на себя со стороны, первая попытка сравнить себя с другими людьми без порочной мифологизации и дисморфобических установок, искажающих видение мира вообще и мира человеческих отношений в частности. Сергей В., для которого лоб был “полигоном”, поверхность носа – “стартовой площадкой”, а рот – “пещерой”, в конце концов вспоминал об этом с иронической улыбкой, как, впрочем, и развитую бредовую систему и неадекватные поступки, связанные с тем, что он – Пришелец из Будущего. Другой больной, Владимир У., лечить которого еще предстоит, “лепит” из своих щек лошадей, кошек и других животных, а затем “стирает” их. Что за всем этим скрыто?» [Назлоян 1994, 23].

С точки зрения теории психических реальностей видение большими своего лица полностью определяется особенностями деформированной реальности. Именно потому, что Сергей В. считает себя пришельцем из будущего и, следовательно, космонавтом, он воспринимает свой нос как «стартовую площадку», а лоб как «космический полигон».

Перейдем к позиции изучения разных реальностей. Какая реальность предстает перед нами как исследователями? Разве не «реальность реальностей»? А если мы захотим определить ее, то не лучше ли пользоваться термином «инфиниция», включающим в себя как единственность, так и множественность этого феномена.

Чтение «Философского проективного словаря» – это, конечно, не прогулка при луне. Но если читатель внимет в текст этого словаря, для него откроется реальность и видение, помогающие разрешить некоторые трудные проблемы, относящие к современности и способу ее выражения в языке.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Назлован 1994 – Назлован Г.М. Зеркальный двойник: утрата и обретение. Психотерапия методом скульптурного портретирования. – М.: Друза; Моск. ин-т маскотерапии, 1994.

Розин 2001 – Розин В.М. Учение о психических реальностях // Розин В.М. Семиотические исследования. – М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2001. С. 69–113.

Розин 2008 – Розин В.М. Беседы о реальности и сновидения Марка Вадимова. Методологический роман. – М.: URSS, 2008.

Розин 2011 – Розин В.М. Введение в схемологию: схемы в философии, культуре, науке, проектировании. – М.: ЛИБРОКОМ, 2011.

Розин 2018а – Розин В.М. Проектирование и программирование. Замысел. Разработка. Реализация. Исторический и социальный контекст: методологическое исследование. – М.: ЛЕНАНД, 2018.

Розин 2018б – Розин В.М. Проникновение в мышление. История одного исследования Марка Вадимова. – М.: URSS, 2018.

Тульчинский 2020а – Тульчинский Г.Л. Автопроективность личности // Философский проективный словарь. Новые термины и понятия. Вып. 2. – СПб.: Алетейя, 2020. С. 32–35.

Тульчинский 2020б – Тульчинский Г.Л. Однословие как философская наррация и поступок. Вместо послесловия // Философский про-

ективный словарь. Новые термины и понятия. Вып. 2. – СПб.: Алетея, 2020. С. 481–492.

Философский... 2020 – Философский проективный словарь. Новые термины и понятия. Вып. 2. – СПб.: Алетея, 2020.

Шичанина 2020 – Шичанина Ю.В. Человек // Философский проективный словарь. Новые термины и понятия. Вып. 2. – СПб.: Алетея, 2020. С. 430–432.

Щедровицкий 1995 – Щедровицкий Г.П. Принципы и общая схема методологической организации системно-структурных исследований и разработок // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. – М.: Изд-во Шк. культ. полит., 1995. С. 94–113.

Эпштейн 2020 – Эпштейн М.Н. Введение. О проективном слове и проективном мышлении // Философский проективный словарь. Новые термины и понятия Вып. 2. – СПб.: Алетея, 2020. С. 18–30.

REFERENCES

Epstein M.N. (2020) Introduction. On the Projective Dictionary and Projective Thinking. In: Tulchinskii G.L. & Epstein M.N. (Eds.) *Philosophical Projective Dictionary. New Terms and Concepts* (Issue 2, pp. 18–30). Saint Petersburg: Aletheia (in Russian).

Nazloyan G.M. (1994) *Mirror Double: Loss and Gain. Psychotherapy by the Method of Sculptural Portraiture*. Moscow: Druza; Moscow Institute of Mask Therapy (in Russian).

Rozin V.M. (2001) The Doctrine of Psychic Realities. In: Rozin V.M. *Semiotic Studies* (pp. 69–113). Moscow: PER SE; Saint Petersburg: Universitetskaya kniga (in Russian).

Rozin V.M. (2008) *Conversations about Reality and Dreams of Mark Vadimov. Methodological Novel*. Moscow: URSS (in Russian).

Rozin V.M. (2011) *Introduction to Schemology: Schemes in Philosophy, Culture, Science, Design*. Moscow: LIBROKOM (in Russian).

Rozin V.M. (2018a) *Design and Programming. The Idea. Development. Implementation. Historical and Social Context: Methodological Research*. Moscow: LENAND (in Russian).

Rozin V.M. (2018b) *Penetration into Thinking. The Story of One Research by Mark Vadimov*. Moscow: URSS, (in Russian).

Tulchinskii G.L. (2020a) Autoprojectivity of Personality. In: Tulchinskii G.L. & Epstein M.N. (Eds.) *Philosophical Projective Dictionary. New Terms and Concepts* (Issue 2, pp. 32–35). Saint Petersburg: Aletheia (in Russian).

Tulchinskii G.L. (2020b) One word as a philosophical narration and deed. Instead of an afterword. In: Tulchinskii G.L. & Epstein M.N. (Eds.)

Philosophical Projective Dictionary. New Terms and Concepts (Issue 2, pp. 481–492). Saint Petersburg: Aletheia (in Russian).

Tulchinskii G.L. & Epstein M.N. (Eds.) (2020) *Philosophical Projective Dictionary. New Terms and Concepts* (Issue 2). Saint Petersburg: Aletheia (in Russian).

Shchedrovitsky G.P. (1995) Principles and General Scheme of Methodological Organization of Systemic-Structural Research and Development. In: Shchedrovitsky G.P. *Selected Works* (pp. 94–113). Moscow: Publishing House of the School of Cultural Policy (in Russian).

Shichanina Y.V. (2020) Man. In: Tulchinskii G.L. & Epstein M.N. (Eds.) *Philosophical Projective Dictionary. New Terms and Concepts* (Issue 2, pp. 430–432). Saint Petersburg: Aletheia (in Russian).